
Анастасия СКОРИКОВА

НА ПРЯЖКЕ

Не спится? Мне тоже не спится...
Уж лучше бы спиться, дружок!
Нас белая ночь — проводница
по Пряжке зовет прокатиться.
Частенько здесь хаживал Блок.
На той стороне — психбольница —
безумия ржавый ожог.

По-прежнему пахнет пожаром,
и можно за пару минут,
за прошлым скользя обветшалым,
до ручки дойти, до кошмара,
который скрывается тут.
Нет больше прядильных амбаров,
но слышно, как Парки прядут.

С белилами смешаны краски:
то охра, то серый шунгит.
О страшной лирической сказке,
классической гипсовой маски
принявшей трагический вид
в музее-квартире дурачком,
смертельная бледность твердит.

* * *

Горихвостка, зарянка, конек луговой...
Вижу новую птицу и в справочник лезу.
За цветком на прогулку иду, за травой:
девясил, короставник, алтей, череда —
к солнцу тянутся все, отвернувшись от бездны.
Кто давал имена им — исчез, я исчезну,
но запомнить названья хочу навсегда.

Анастасия Юрьевна Скорикова родилась в Ленинграде в 1969 году. Окончила факультет ПМ-ПУ ЛГУ. Автор книг «Птичий век» (СПб., 2003), «Золотая нить» (СПб., 2007), «Виадук» (СПб., 2015), «Закончив разговор» (СПб., 2019). Публиковалась в сборнике «Автограф», в поэтических альманахах «Паровоз», «45-я параллель», в журналах «Иртышъ Омь», «Звезда», «Нева», «Этажи», «Сибирские огни», «Фабрика Литературы». Живет в Санкт-Петербурге.

Дрема белая мылом пропахла и сном
долгим, детским с открытым окном на задворки.
Аконит с башмачком и репейник с узлом,
колокольчиков мелких звенящая синь.
Камышовка, скворец в светлых крапинках колких,
сойка, зяблик, щегол — самый яркий и зоркий.
Как молитва их перечень длинный. Аминь.

* * *

Детские радости — самые важные:
высунуть руку в окошко машины,
мчащейся к даче по Мурманке утром,
воздух упругий, подвижный ловить.
Будто дурачатся силы винтажные
некой незримой летучей дружины:
руку пожмут и в кармане нагрудном
фантик нашарят, монетку и нить.

Или с дешевым ванильным мороженым,
купленным в хлебом пропахшем сельмаге,
долго идти по тропе на отшибе,
с холодом тающим, сладким во рту.
Или лететь существом отмороженным
в омут речной с ликованьем отваги,
чтобы почувствовать птицу и рыбу,
на глубине оценить высоту.

* * *

Ночную бабочку печаль не оживила.
Я отнесла царевну спящую в сарай.
Не вспышка света для нее мерило,
а вечность мрака, где сказать «не умирай»
молчанью равносильно. Темный край —

ее юдоль. Для нас загадка и обманка —
все то, что уловить не может глаз и слух.
Сухого лета звездная изнанка,
трепещущего сновиденья светлый дух —
пяденицы крыжовниковой пух.

Сколочен день так примитивно, даже грубо:
и впрямь сарай с окном огромным. Но тебе ль
о стекла биться ослепленно, тупо.
Мертва. И солнце взглядом лесоруба,
прищурясь, жарит между досок в щель.

ЖАЛОСТЬ

Спивался тихонько. Причину никто не искал.
Во время войны спирт играл не последнюю роль.
Сменить на дурную абстракцию волчий оскал,
озноб ледящий избыть помогал алкоголь.
А может, душила тоска и давнишняя боль.

«Не жалко раз деда, иди», — не осилив разлад,
в саду, на качелях пристроясь, он мне говорил.
Пролитым на скатерть вином растекался закат.
Дрожала рука с «Беломором», и не было сил,
наверное, встать самому и уйти: перепил.

Какая там жалость в семь лет, только шалость одна!
Туман поднимался, и шел от реки холодок...
«Зачем, — отвечала, — ты выпил бутылку до дна,
тебя ведь просили оставить на завтра глоток,
не маленький вроде, а что же послушать не мог?»

Седой мотылек полусонный, попавший в просвет,
ослепнув, на миг зависал, чтобы броситься прочь.
Когда, возвратившись потом через несколько лет,
вдохнув перегар перегна, захочешь помочь —
толкнешь лишь пустые качели в застывшую ночь.

* * *

Август зрелость свою пытается превозмочь,
скинув яблочко наливное, по склону катит.
А закроешь глаза, устав, и наступит ночь,
заклячая весь мир округлый в свои объятья.

Еле держится запах флоксов, горчит чуть-чуть,
затишает жужжанье в венчике медоносном,
замирает листва. И кажется, что вернуть
праздник жизни еще возможно, еще не поздно.
Но стоишь, будто в сонной черной воде по грудь,
отраженное небо ранит осколком звездным.